

Леонтий (Лебединский), митрополит Московский и Коломенский
Высокопреосвященнейшего Леонтия, митрополита Московского
и Коломенского: «Из лекцій по нравственному богословію» //
Богословский вестник 1892. Т. 2. № 4. С. 1—33 (2-я пагин.).

Изъ лекцій по нравственному Богословію¹⁾.

Часть предварительная.

Главный предметъ Нравственнаго Богословія какъ науки *Ея цль.*
есть систематическое изложеніе ученія о томъ, *въ какихъ*
двйствіяхъ и какъ должна обнаруживаться въ человѣкѣ
христіанская благодатная жизнь, сообразно съ поня-
тіемъ о существъ сей жизни и началъ христіанской
длительности. Но истинная жизнь о Иисусѣ Христѣ для
человѣка, надъ которымъ прежде *царствова грѣхъ во смерть*
(Римл. 5, 21), есть жизнь совершенно новая, противопо-
ложная прежнему его состоянію; ему нужно переродиться,—
облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу (Еф. 4,
21—24): а для сего необходимо требуется предварительно
отложить по первому житію ветхаго человѣка, тлющаго
въ похотехъ прелестныхъ. (Ефес. 4, 22). По сему и въ самой
наукѣ предварительно необходимо рассмотретьъ жизнь чело-
вѣка ветхаго въ ея силахъ и дѣятельности. Цѣль этихъ
предварительныхъ изслѣдованій о жизни человѣка ветхаго
есть та, чтобы а) показать необходимость для каждаго изъ
насъ *отложить первое житіе ветхаго человѣка* при облеченіи
въ человѣка новаго и потребность возрожденія свыше
чрезъ вѣру въ Господа Иисуса Христа благодатію Св. Духа:
ибо аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ
внйти въ Царствіе Божіе (Іоан. 3, 3—5, и б) раскрыть,
что именно отлагается въ человѣкѣ какъ ветхое, когда на-
чинаетъ онъ жизнь новаго человѣка.

¹⁾ Читанныхъ въ Кіевской Духовной Академіи Инспекторомъ и Профес-
соромъ Архимандритомъ Леонтіемъ,—нынѣ Митрополитомъ Московскимъ
(1852—57).

Долгъ ея.

Человѣкъ сотворенъ по образу Божию—съ тѣмъ, чтобы всѣми силами духа своего стремиться къ Богу, своему Первообразу чрезъ преуспѣваніе *въ правдѣ и преподобіи истины*, по слову Св. Апостола (Еф. 4, 24). Этотъ образъ Божій остался въ человѣкѣ и послѣ его паденія. „Основаніе образа Божія, который (по словамъ Св. Дмитрія Ростовскаго) есть и въ душѣ невѣрнаго человѣка, „глубоко въ насъ положенъ, чтобы и падшій человѣкъ „обрѣталъ, каковъ онъ былъ и какимъ долженъ быть“. По грѣхъ повредилъ образъ Божій въ человѣкѣ, отклонивъ его отъ жизни по Божьему на путь неправды и лжи:—отсюда и возникла жизнь человѣка ветхаго. По сему, чтобы сдѣлать обстоятельное, по возможности, разсмотрѣніе жизни человѣка ветхаго, надобно въ этомъ случаѣ имѣть основаніемъ изслѣдованій понятіе объ образѣ Божіемъ, по которому создана природа человѣческая. Именно, при разсмотрѣніи настоящаго состоянія духовныхъ силъ естественнаго человѣка долгъ нравственнаго Богословія, во первыхъ, указать, каковы должны быть эти силы въ отношеніи къ нравственной жизни (по первоначальному устройенію природы ихъ), потомъ, что осталось въ нихъ добраго отъ первобытнаго ихъ состоянія, и накопецъ, — до какой степени простирается теперь въ ихъ жизни нравственное разстройство.

Примѣчаніе. Къ изслѣдованію нравственныхъ силъ естественнаго или ветхаго человѣка въ самой ихъ дѣятельности и въ приложеніи ихъ къ главной цѣли человѣка—святости и блаженству, побуждаетъ насъ между прочимъ и ложный взглядъ нѣкоторыхъ на природу нашу, взятую саму по себѣ. Иные (лютеране и кальвинисты) чрезмѣрно унижаютъ ее, другіе (социніане и различнаго направленія раціоналисты) слишкомъ возвышаютъ.

Составъ.

При разсмотрѣніи жизни и дѣятельности человѣка ветхаго необходимо сообщить общее понятіе о томъ, что нужно разумѣть подъ именемъ ветхаго человѣка, — и затѣмъ сдѣлать болѣе подробное изслѣдованіе жизни его, въ главныхъ ея силахъ и дѣятельности ихъ. Для большей обстоятельности дѣла, мы разсмотримъ состояніе ветхаго человѣка порознь въ каждой изъ главныхъ силъ, которыми выражается духовная дѣятельность наша, — и именно А., въ отношеніи къ сердцу; Б., волѣ; В., разуму и Г., совѣсти.

Подъ именемъ ветхаго человѣка въ Св. Писаніи разумѣется человѣкъ естественный, живущій внѣ благодати Божіей—въ состояніи грѣховномъ. Это видно изъ того, что жизнь его противопоставляется жизни человѣка новаго, возрожденнаго Благодатию О Иисусѣ Христѣ. Ветхимъ человекомъ называется онъ и по времени, и по положенію, въ какомъ находится теперь. По времени называется ветхимъ въ томъ отношеніи, что начало свое онъ получилъ давно въ родѣ человѣческомъ, такъ какъ грѣхъ, отъ котораго возникъ въ пастъ ветхій человѣкъ, явился еще въ прародителяхъ нашихъ, и отъ нихъ, какъ несчастное наслѣдіе, непрерывно передается всѣмъ потомкамъ Адамовымъ. По положенію же своему называется онъ ветхимъ въ томъ смыслѣ, что это есть челевѣкъ обветшавшій и постоянно болѣе и болѣе старѣющій во злѣ, и приближающійся къ нравственному разрушенію. Въ семъ послѣднемъ случаѣ названіе его указываетъ и на то, что въ человѣкѣ и послѣ его паденія сохранились остатки добра, на основаніи коихъ онъ можетъ быть возсозданъ.

Примѣч. Ветхимъ же человекомъ по справедливости можно называть и христіанина, который живетъ и дѣйствуетъ не какъ возрожденный благодатию Св. Духа, а жизни плотскою, грѣховною (см. I Кор. 5, 6—8).

А. Жизнь ветхаго человѣка, разсматриваемая въ отношеніи къ его сердцу.

Разсмотрѣніе жизни и дѣятельности ветхаго человѣка, должно начаться съ состоянія сердца его. Это потому, что въ сердцѣ человѣка, по ученію слова Божія, заключаются исходница живота (Притч. 4, 23) во всѣ прочія силы духа его. Стремленіями сердца движутся и умъ и воля человѣка въ своей дѣятельности; отъ состоянія сердца много зависитъ и состояніе совѣсти, такъ какъ дѣло законное совѣсти написано въ сердцахъ нашихъ, по словамъ Св. Апостола (Рим. 2, 15). Посему излѣдованіе жизни сердца въ человѣкѣ ветхомъ послужитъ намъ лучшимъ руководствомъ и объясненіемъ при обозрѣніи прочихъ силъ его.

Понятіе о ветхомъ человѣкѣ.

Почему изслѣдованіе о жизни ветхаго человѣка должно начаться съ его сердца?

Остатки
добра въ
сердцѣ.

Каково же состояніе сердца въ человѣкѣ ветхомъ? — По назначенію природы человѣка ¹⁾ сердце должно быть въ насъ исходникомъ жизни Божіей, сообщасмой свыше отъ Бога, — жизни святой, состоящей въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. 4, 24). Именно, въ сердцѣ должно заключаться чувство добра сопряженнаго съ жизнію по Богѣ; далѣе, на основаніи этого чувства должно быть въ немъ стремленіе къ соединенію съ Богомъ; и наконецъ, сила этого стремленія должна во всѣхъ силахъ души человѣческой выражаться дѣятельностію, сообразною съ волею Божію. Короче сказать, — въ сердцѣ человѣка должно быть полное, живое и дѣйственное стремленіе къ Богу. — Сердце человѣка естественнаго должно хотя отчасти дѣйствовать сообразно съ симъ назначеніемъ своимъ: иначе, безъ остатковъ добра въ сердцѣ-исходникѣ живота, и во всемъ человѣкѣ не осталось бы ничего отъ Богоподобной природы его; и въ каждомъ человѣкѣ, на какой бы степени грѣховнаго поврежденія онъ ни находился, есть природенное чувство добра и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ добру. Въ этомъ увѣряють насъ: а, слово Божіе б., внутренній нашъ опытъ; и в., опытъ вѣщій.

а) Св. Ап. Павелъ, изображая бѣдственное состояніе человѣка естественнаго подъ властію грѣха, допускаетъ однакожъ въ немъ естественное чувство добра и естественное стремленіе къ добронравственной жизни. — Онъ потому и вздыхаетъ о тяжкомъ состояніи человѣка подъ игомъ закона грѣховнаго, что грѣхъ, противъ собственнаго хотѣнія человѣка (Римл. 7, 19), препятствуетъ ему творить

¹⁾ Такъ какъ Господь вся содѣла Себе ради, — для славы имени своего, — и слѣд. общее и главное назначеніе всего сотвореннаго — есть то, чтобы возвѣщать славу Божію своимъ бытіемъ и своею жизнію и въ этомъ находить себѣ источникъ благоденствія: то и назначеніе человѣка есть тоже самое, — возвѣщеніе славы Божіей, — и соединенное съ тѣмъ блаженство, какъ видно это и изъ того, что явленіе въ міръ Сына Божія, пришедшаго направить человѣка къ цѣли бытія его, первѣе всего провозвѣстило славу въ вышнихъ Богу (Лук. 2, 14), вослѣтую на земли ликами Ангеловъ. — Каждая тварь должна своимъ образомъ возвѣщать собою славу Божію такъ, какъ ей опредѣлила воля Божія сообразно съ достоинствомъ природы ея; воля Божія касательно насъ — человѣковъ есть святость наша (1 Сол. 4, 3). — слѣдов. говоря опредѣленіемъ, назначеніе человѣка есть — быть святымъ во славу Божію, для блаженства въ Богѣ.

доброе по закону Божію, между тѣмъ какъ соулаждается онъ сему закону *по внутреннему чловѣку и хочетъ творити доброе*. Св. Апостоль прямо говоритъ отъ лица чловѣка естественнаго: *хвалю законъ яко добръ* (Римл. 16—25) (вотъ чувство добра)—и еще: *еще хотѣти*, т. е. хотѣть добраго, *прилежитъ ми* (вотъ стремленіе къ добру). Изъ этого видно, что грѣхъ, дѣлая чловѣка рабомъ своимъ и отчуждая его отъ жизни Божіей, не могъ однакожъ уничтожить сердечное стремленіе его къ сей жизни и такимъ образомъ уничтожить самый корень ея въ чловѣкѣ. (Иоан. 8, 34.—Еф. 4, 18).

б) Внутренній опытъ каждаго изъ насъ представляетъ намъ въ ясномъ свѣтѣ истину того, о чемъ свидѣтельствуется слово Божіе.—Наблюдая надъ внутреннею, естественною жизнію духа своего, мы замѣчаемъ, во первыхъ, то, что въ сердцѣ нашемъ покоится прирожденная вѣра въ Существо высочайшее, какъ въ высшее благо,—а во вторыхъ то, что сердце наше ощущаетъ присутствіе закона совѣсти въ духѣ чловѣка, сознаетъ его высокую важность, сочувствуетъ его требованіямъ въ большей или меньшей мѣрѣ и стремится выполнять ихъ.

в) Внутренній опытъ нашъ въ этомъ случаѣ подтверждается и внѣшнимъ. Обращая вниманіе на исторію и на современное состояніе рода чловѣческаго, мы видимъ, что не было и нѣтъ ни одного народа на землѣ, въ которомъ не было бы какихъ либо слѣдовъ Боговѣдѣнія, и на основаніи этого—какой либо религіи (хотя бы то и обезображенной ложью). Это показываетъ, что всѣ люди природнымъ, такъ сказать, тяготѣніемъ сердца устремляются къ своему средоточію жизни—подобно тому, какъ планеты устремляются къ солнцу по естественному закону тяготѣнія. Только врожденнымъ стремленіемъ сердца объясняется то, что люди, не знающіе истинной вѣры и не получившіе о ней откровенія, исполняютъ религіозные обряды, хотя часто совершенно не такъ, какъ должно. Нельзя почестъ этого стремленія сердца чѣмъ-либо заимствованнымъ и случайнымъ, потому что наше сознаніе, особенно у людей необразованныхъ, мыслящихъ непосредственно, не можетъ дать себѣ отчета въ этомъ стремленіи и свидѣтельствуется о его неотразимости. Не дается оно и воспитаніемъ, по-

тому что воспитаніе человѣка, въ естественномъ его состояніи, не даетъ человѣку ничего новаго, а только раскрываетъ то, что дано ему отъ природы.

Значеніе врожденнаго стремленія сердца нашего къ добру.

Естественное стремленіе сердца нашего къ Богу имѣетъ существеннѣйшее значеніе въ духовной жизни нашей,—потому самому, что оно прирождено намъ. Значеніе это сохраняется даже при обновленіи нашемъ благодатію, ибо послѣднее есть именно обновленіе природы нашей, т. е. того, что осталось добраго въ нашей природѣ, но не насиліе самой природы, не превращеніе ея въ совершенную природу (I Кор. 15, 37—40). Къ этому стремленію прививаются евангельскія заповѣди, указывающія ему направленіе, побужденія и средства для дѣйствованія; къ нему прививается и благодатная сила Духа Святаго, помогающая ему достигать той цѣли, какая указывается Евангелиемъ.—По за всѣмъ тѣмъ, доколѣ человѣкъ остается по естеству *чадомъ гнѣва, яко же и прочіи* (Еф. 2, 3), значеніе его въ жизни человѣка не велико; потому что дѣятельность сердца въ человѣкѣ ветхомъ, сообразная съ его сердечнымъ стремленіемъ, почти только симъ стремленіемъ и ограничивается, а далѣе въ жизнь и дѣятельность человѣка мало простирается,—и потому не переходитъ въ живое и дѣятельное стремленіе къ добру, обнаруживается въ немъ очень слабо, и притомъ не всегда. Правственное безсиліе естественнаго человѣка изображено въ пс. 37-мъ, 50-мъ, также Ефес. 2, 1—7.

Противодѣйствіе стремленій сердца злыхъ и преобладаніе ихъ въ ветхомъ человѣкѣ.

Причина, почему естественное стремленіе сердца къ добру въ человѣкѣ ветхомъ не достигаетъ своей цѣли и дѣйствуетъ слабо, заключается въ томъ, что ему противодѣйствуютъ злыя —и, главнымъ образомъ, чувственныя стремленія сердца.—Св. Апостоль Павелъ даетъ намъ разумѣть, что человѣкъ естественный отъ того не можетъ содѣлать доброе, къ которому стремится, что *не живетъ во плоти его добре* (Рим. 7, 18). Что-же въ ней живетъ? Живутъ злыя стремленія, отвлекающія сердце наше отъ Бога. *Вижду, говоритъ Апостоль, инъ законъ во удыхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего, и пльннющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удыхъ моихъ. Умомъ моимъ работаю закону Божию, плотію же, закону грѣховному* (Рим. 7, 23—25). Не то значить сіе, чтобы

плоть наша сама въ себѣ заключала причину зла нравственнаго, какъ утверждали гностики. Богомъ созданы наша душа и тѣло: по сему должно быть между ними естественное согласіе, и тѣло въ земной жизни человѣка необходимо для дѣятельности духа, какъ учить слово Божіе (Еф. 5, 29); слѣдовательно, потребности жизни тѣлесной не суть зло нравственное. Но зло, производимое плотію, состоитъ именно въ томъ, что человѣкъ питаетъ и грѣшетъ ея до излишества, и она чрезъ это дѣлается прихотливою властительницею духа; чувственныя стремленія плоти, получившія особенную силу въ человѣкѣ послѣ его паденія, отклоняють сердце его отъ Бога.—Конечно, сердце не можетъ не стремиться туда, куда влечетъ его природа: поэтому, когда чувственныя побужденія отвлекають его отъ жизни въ Богѣ, оно естественно противится ихъ дѣйствию, — *ненавидитъ* внушенія *плоти*, по слову Апостола. Отсюда по необходимости происходитъ борьба между высшими—добрыми и низшими—чувственными стремленіями сердца.—По послѣднія, т. е. чувственныя стремленія въ человѣкѣ ветхомъ берутъ всегда перевѣсъ при этой борьбѣ: человѣкъ принужденъ бываетъ творить *не еже хоцетъ*—доброе, но *еже не хоцетъ*—злое (Рим. 7, 19). Ибо страсти грѣховныя дѣйствуютъ *во удѣлхъ его* (—5), а потому *отъ сердца его происходятъ помысленія злая, убійства, прелюбодѣланія, татѣбы, лжесвидѣтельствва, хулы* (Мо. 15, 19). Изъ этихъ словъ видно, что не на самую плоть, но именно на неправильное отношеніе къ своей духовно-тѣлесной природѣ Св. Писаніе указываетъ какъ на причину грѣховъ, ибо ложь и хула суть грѣхи не тѣлесные, но душевные; въ подобномъ же смыслѣ и Ап. Павель говоритъ, что „*плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть* (Гал. 5, 17), разумѣя подъ плотью собственное *грѣховное сердце*, ибо далѣе онъ причисляетъ къ *дѣламъ плоти* чародѣянія, ереси и зависть (ст. 20). Не малое препятствіе для добрыхъ стремленій сердца представляютъ здѣсь темпераменты.

По преобладанію чувственности въ человѣкѣ естественномъ, слово Божіе усваиваетъ ему преимущественно названіе человѣка плотскаго, такъ какъ онъ плотская мудрствуетъ, а не духовная (I Кор. 3, 3. Рим. 8, 5), и плотію рабо-

Наименованій, усвоенныхъ словомъ Божиимъ человеку и

всей его дѣ-
ятельности
подъ преоб-
ладаніемъ
чувствен-
ныхъ побуж-
деній.

тасть закону грѣховному. Мы видимъ, что не однѣ плотскія страсти господствуютъ надъ сердцемъ человѣка естественнаго, и подавляютъ его благія стремленія: есть въ немъ и страсти собственно душевныя, какъ напр. гордость, честолюбіе, зависть, — и онѣ-то были началомъ грѣха въ человѣкѣ. Но и эти послѣднія покоятся больше на пристрастіи человѣка къ суетной чувственности, сопутствуютъ ему, и во всякомъ случаѣ ведутъ къ нему, постоянно погружая человѣка въ состояніе чувственности: во всякомъ случаѣ человѣкъ, *не пріемлющій яже (суть) Духа Божія* (I Кор. 2, 14), возвращается душевною своею жизнію въ кругъ предметовъ земныхъ, чувственныхъ. Такъ душевная страсть неблагодарной гордыни, удалившая первыхъ людей отъ блаженной жизни въ Богѣ, скоро повергла ихъ въ самую низкую чувственность, какъ сказано: „и видѣ Господь Богъ землю и бѣ растлѣнна, растли всяка плоть путь свой на земли“ (Быт. 6, 12). Та-же мысль въ словахъ Апостола (Римл. I, 21—32). Отсюда видно, почему человѣку, живущему подъ преобладаніемъ чувственныхъ побужденій, слово Божіе усваиваетъ еще названіе душевнаго — въ противоположность человѣку духовному; — потому именно, что душа его, хотя и обнаруживаетъ въ себѣ движенія духовной жизни, но обнаруживаетъ ихъ подъ вліяніемъ чувственности и духа жизни въ себѣ не имѣетъ. — Вообще же можно еще назвать такого человѣка суетнымъ (Рим. 8, 2) какъ и называетъ естественныхъ людей Премудрый, говоря: *суетни вси челоуцы естественни* (Прем. 13, 1). Ибо, дѣйствительно, суета человѣческая, описанная Соломономъ, въ томъ состоитъ, что человѣкъ, погружаясь въ плотскую жизнь, заботясь только о томъ, *еже ясти и пити и веселитися* (Еккл. 2, 24; 3, 12), беззаботно живетъ какъ человѣкъ душевный и носить въ себѣ крушеніе духа, умирающаго безъ животворной силы Духа Божія.

Слѣдствіа,
вытекающія
изъ размо-
трянія жи-
зни сердца въ
человѣкѣ
ветхомъ.

Изъ этого краткаго разсмотрѣнія сердечной жизни въ человѣкѣ ветхомъ открывается, что ветхій человѣкъ находится постоянно въ борьбѣ между зломъ и добромъ, и что въ этой борьбѣ зло всегда имѣетъ перевѣсъ. Чѣмъ объяснить эту борьбу? Очевидно, нужно искать другой силы въ человѣкѣ, которою, или покрайней мѣрѣ чрезъ которую производится эта борьба. Сердце само по себѣ безотчетно

въ своихъ стремленіяхъ: имъ располагаетъ воля. Она избираетъ и приводитъ въ дѣйствіе тѣ или другія стремленія сердца. Что и въ сердечныхъ движеніяхъ человѣка ветхаго участвуетъ воля, видно уже изъ самой борьбы, которая въ немъ происходитъ. — Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію воли въ человѣкѣ естественномъ.

Б. Нравственная жизнь ветхаго человѣка, разсматриваемая въ отношеніи къ свободной волѣ его.

Побужденія сердца, сами въ себѣ безотчетныя, служатъ только поводами къ тому или другому дѣйствію, а не опредѣляютъ ее окончательно. Воля дѣлаетъ выборъ между безотчетными побужденіями сердца и сообразно тому осуществляетъ ихъ въ самой дѣятельности. Но мы видѣли, что сердечныя побужденія находятся въ борьбѣ между собою, Нравственный долгъ воли — примирять эту борьбу сердца, низшія чувственныя побужденія подчинять высшимъ духовнымъ и самую дѣятельность опредѣлять только по высшимъ побужденіямъ. — Этотъ долгъ опредѣляется:

Долгъ воли въ отношеніи къ сердцу, и чѣмъ онъ опредѣляется.

а. *Зниченіемъ истинной свободы.* Истинная свобода воли человѣка, какъ существа нравственно-разумнаго, состоитъ въ дѣйствованіи, сообразномъ съ святостію нравственнаго закона, положеннаго самимъ Творцемъ въ основаніе нашей дѣятельности, слѣд. состоитъ въ господствованіи надъ низшими, тѣмъ болѣе грѣховными побужденіями чувственности. Преобладаніе ихъ есть насиліе для свободы.

б. *Главнѣйшею цѣлію всѣхъ стремленій воли.* Этою цѣлію долженъ быть самъ Богъ. Въ одномъ Богѣ, какъ нашемъ Творцѣ и Промыслителѣ, воля наша можетъ находить для себя всецѣлое удовлетвореніе, котораго непрестанно ищемъ. *Господи, взываетъ Св. Давидъ, полнота радости предъ лицемъ Твоимъ, блаженство въ десницу Твою во вѣкъ* (Псал. 15, 11). *Что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣки* (72, 25 — 26). Потому-то, какъ свидѣлствуетъ опытъ, мы не удовлетворяемся ничѣмъ земнымъ. Если такъ, то на волѣ лежитъ обязанность опредѣлять дѣятель-

пость человѣка только по побужденіямъ высшимъ, которыя ведутъ къ Богу.

в) *Начиломъ дѣятельности нашей воли* должна быть любовь къ Богу, — стремленіе къ нравственному единенію съ Нимъ. Эта любовь къ Богу врождена намъ и лежитъ въ основѣ пророды пашей. Св. Писаніе подтверждаетъ сію истину, когда любовь къ Богу представляетъ первую и высочайшую заповѣдью, совмѣщающую въ себѣ весь законъ нравственный, и живымъ основаніемъ исполненія всего закона (Іоан. 4 15); исполняющій сію заповѣдь говоритъ съ Апостоломъ: „*яже ми бяху приобрьненія, сія вмѣнихъ Христа ради нищету. Но убо вмѣняю вся нищету быти за превосходящее разумьніе Христа Исуса, Господа моего, Егоже ради всѣхъ отщетихся и вмѣняю вся умелы быти, да Христа приобрящу*“ (Фил. 3, 7—9). Таковъ нравственный долгъ воли.

Состояніе воли ветхого чело-вѣка: а) о-статки добра въ волю.

По намѣреніямъ Творца, воля наша создана свободною выполнять предназначенный ей долгъ. Но теперь въ поврежденномъ состояніи своемъ, въ ветхомъ чело-вѣкѣ, она не выполняетъ, и не можетъ выполнить своего долга. Правда, въ пей осталось нѣчто доброе. Это видно изъ того, что чело-вѣкъ и въ естественномъ состояніи имѣетъ свободу выбирать для себя добро или зло предметомъ своей дѣятельности и можетъ совершать нѣкоторыя добродѣтели, въ извѣстной мѣрѣ. Апостоль Павелъ свидѣтельствуетъ, что *языцы, не имуще закона, естествомъ законная творять*, что *сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (Рим. 2, 14). Въ дѣяніяхъ Апостольскихъ представляется и примѣръ добродѣтели естественнаго чело-вѣка, угодной Богу и имѣющей предъ нимъ цѣну, въ лицѣ Корнилія сотника (Дѣян. 10, 30—31). И Св. Православная Церковь учитъ: „Падшій чело-вѣкъ имѣетъ природную силу, свободную, живую, дѣятельную, такъ что онъ по природѣ можетъ избирать и дѣлать добро, убѣгать и отвращаться зла. А что чело-вѣкъ по природѣ можетъ дѣлать добро, на это указываетъ и Господь, когда говоритъ, что язычники любятъ любящихъ ихъ, и весьма ясно учитъ Апостоль Павелъ „Рим. 1, 19 и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ говоритъ, что языцы закона не имуще, естествомъ законная творять“. И далѣе: „чело-вѣкъ прежде возрожденія можетъ по природѣ

„быть склоннымъ къ добру, избирать и дѣлать нравственное добро“. Въ особенности воля наша сохранила по паденіи хотѣніе добра, не исчезающее въ ней и тогда, когда она покоряется злу и рѣшается на незаконное: ибо мы никогда не желаемъ зла, какъ зла. *Еже хотѣти доброе прилежитъ ми*, говоритъ Апостоль (Рим. 7, 18), отъ лица человѣка естественнаго.

По остатки добра въ волѣ ветхаго человѣка, въ сравненіи со зломъ падъ нею преобладающимъ, незначительны, съ одной стороны, потому, что воля его часто руководится ложными понятіями о добрѣ, съ другой потому, что добрыя ея хотѣнія заглушаются силою чувственныхъ и вообще грѣховныхъ побужденій. А сила естественной воли совершать добро сама собою никогда не можетъ возвыситься до христіанской добродѣтели истинно спасительной, и не можетъ сама по себѣ противустоять удобопреклонности ко грѣху падшей природы нашей. — Отъ того воля наша, по свидѣтельству слова Божія и опыта, весьма слаба въ отношеніи къ добродѣтели и безсилна рѣшить борьбу нашихъ внутреннихъ противоположныхъ стремленій. Это безсиліе, предполагаемое уже непрестаннымъ продолженіемъ внутренней борьбы въ насъ, ясно подтверждается Св. Апостоломъ въ слѣдующихъ словахъ: *и еже хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю: хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю* (Рим. 7, 18). Опытъ всѣхъ вѣковъ ясно показалъ слабость воли противъ обольщенной грѣха. Когда Господь призрѣлъ на землю *видѣти, аще есть разумѣяли или взыскаютъ Бога*, то увидѣлъ, *что вси уклонилися, вкупѣ неключими быша, нѣсть творящій благостыню, нѣсть до единого*. (Псал. 13, 3); и Апостоль свидѣтельствуетъ, что *вси согрѣшихомъ и лишени сумъ славы Божія* (Рим. 3, 23). И не много нужно вниманія, чтобы замѣтить удобопреклонность воли человѣка, живущаго безъ благодати, несравненно большую къ злу, чѣмъ къ добру. Дѣятельность воли ветхаго человѣка Апостоль представляетъ вообще въ слѣдующихъ чертахъ: *явлена суть дѣла плотская, яже суть, прелюбодѣліе, блудъ, нечистота, студодѣліе, идолослуженіе, чиродѣлія, вражды, рвенія, завиды, ярости, разжженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, пѣянія*

б) Преобладаніе въ ней зла.

ства, безчинны клчи и подобная симъ (Гал. 5, 19—21). И лучшіе изъ язычниковъ сознавали поврежденіе и слабость своей воли. „Отъ чего это, спрашиваетъ Сенека, мы одного хотимъ, а къ другому влечемся?“ „Вижу лучшее, говоритъ Овидій въ лицѣ Медеи, и одобряю, а слѣдую худшему“.

Слѣдствія преобладанія зла въ волѣ ветхаго человека а) лишніе потребности и ной свободы.

а. Будучи слабою въ отношеніи къ добродѣтели и безспильною къ выполненію своего долга, воля человѣка естественнаго легко допускаетъ въ немъ перевѣсъ грѣховныхъ наклоностей надъ стремленіями къ добродѣтели, вопреки его назначенію, и тогда дѣлается человѣкъ рабомъ грѣха, а потому лишается истинной свободы. Это ниспаденіе до рабства грѣху совершается постоянно. Св. Писаніе изображаетъ это такъ: *кійжедо искушается, отъ своей похоти влекомъ и прельщается. Также похоть зачещи рождаетъ грѣхъ: грѣхъ же содѣланъ рождаетъ смерть* (Іаков. 1, 14—15). То есть, свобода наша не принуждается, а обольщается грѣховною похотію; когда она поддается этому обольщенію, то *зарождается* грѣхъ; покоряя себѣ свободную волю, онъ не можетъ оставаться въ сердцѣ, но обнаруживается во внѣ въ превратной дѣятельности, — тогда происходитъ грѣхъ дѣйствительный, который есть смерть для души. Допустивъ же разъ въ себѣ господство грѣховнаго начала, воля ветхаго человѣка не можетъ дѣйствовать независимо отъ него, и уже рабски подчиняется его вліанію. Вотъ почему въ Св. Писаніи *всякъ творяи грѣхъ* называется рабомъ *грѣха* (Іоан. 8, 34).

б) Уклоненіе отъ главной цѣли Бога и стремленіе къ чувственно-корыстному благу.

б. Поработаясь грѣху, воля ветхаго человѣка уклоняется чрезъ то отъ главной своей цѣли — Бога и стремится къ чувственнымъ и корыстнымъ благамъ, поставляя въ нихъ для себя главную цѣль. Это уклоненіе въ волѣ естественной такъ далеко простирается, что цѣли и самыхъ благороднѣйшихъ по видимому стремленій ея совершенно извращены. Такъ въ стремленіи къ истинѣ ветхій человѣкъ имѣетъ въ виду тщеславіе, или пріобрѣтеніе житейской мудрости, или внѣшній прібытокъ и проч. Въ стремленіи къ добру онъ имѣетъ большею частію въ виду или достиженіе внѣшняго счастья (эвдемоизмъ) или достиженіе чести и славы (фарисейство), или желаніе показать мнимую законность поступковъ, твердость и самостоятельность свою,

съ отверженіемъ высшей помощи (стоицизмъ). Въ стремленіи къ изящному старается найти только то, что доставляло бы нѣгу и удовольствіе тѣлеснымъ чувствамъ, что давало-бы пищу страстямъ. *А Богъ и яже Духа Божія* или весьма мало, или и совсѣмъ не относятся къ цѣлямъ стремленій воли ветхаго человѣка, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 2, 14).

в. Уклоняясь отъ своей цѣли — Бога, воля ветхаго человѣка принимаетъ новое грѣховное начало дѣятельности. Это есть самолюбіе или эгоизмъ, по которому человѣкъ ищетъ только себя самаго, и хочетъ жить для себя самаго.

в) Грѣховное начало воли ветхаго человека — самолюбіе.

Примѣчаніе. Такое начало воли ветхаго человѣка весьма ясно указывается многими мѣстами Св. Писанія. — Господь **Иисусъ Христосъ** и Апостоль **Павель** означаютъ переходъ человѣка изъ жизни подъ господствующимъ началомъ грѣха въ жизнь новую именно тѣмъ, что тогда человѣкъ перестаетъ жить для себя самаго, искать *своихъ си*, и любить свою мірскую жизнь (Римл. 14, 7—8. Гал. 2, 20. 2 Кор. 5, 15. Фил. 2, 3—8. 1 Кор. 10, 24, 33. Лук. 12, 26. Иоан. 12, 25), и этимъ показываютъ, что начало ветхой грѣховной жизни есть самолюбіе. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ паденіе сына, изображающаго въ своемъ лицѣ каждаго грѣшника, начинается также тѣмъ, что онъ захотѣлъ жить и дѣйствовать самъ собою, по самолюбію.

Корень самолюбія положенъ въ волѣ человѣка въ первую минуту его паденія. Возжелавъ быти Богомъ, по обольщенію искуителя, человѣкъ отпалъ отъ любви къ Богу и возлюбилъ только самого себя. И какъ въ основаніи любви къ Богу лежитъ въ насъ образъ Божій, такъ и самолюбіе ветхаго человѣка зиждетъ свое величіе на основаніи того же образа Божія, только отторгнутаго отъ своего Первообраза; на этомъ и основывалось обольщеніе искуителя, обѣщавшаго прародителямъ, что они будутъ, какъ боги. Но удалившись отъ Господа, ветхій человѣкъ не только не сталъ вторымъ Богомъ, а даже объ образѣ Божіемъ не могъ сохрѣпить вѣрнаго понятія и потому устраиваетъ жизнь свою и дѣйствуетъ во всемъ превратно.

Какъ любовь къ Богу имѣетъ глубину, широту и высоту (Еф. 3, 18), такъ и извращеніе ея — самолюбіе также имѣетъ свою глубину, свою широту и свою высоту, и об-

Дѣятельность воли ветхаго человека подъ

преобладание самолюбія.

наруживается въ трехъ главныхъ направленіяхъ: а) въ глубину—плотоугодіемъ, въ широту—корыстолюбіемъ, въ высоту—гордостію, или по выраженію Св. Писанія, похотію плоти, похотію очесъ, и гордостію житейскою. Такимъ образомъ дѣятельность воли подъ преобладаніемъ самолюбія проявляется въ трехъ главныхъ наклонностяхъ.

Наклонность а) къ плотоугодію.

Плотоугодіе имѣетъ предметомъ своимъ тѣлесную природу. Плотская похоть обнаруживается въ трехъ главныхъ видахъ: а) въ излишнемъ покоѣ, переходящемъ въ лѣнность, б) въ удовлетвореніи различныхъ чувственныхъ прихотей (вмѣсто необходимаго подкрѣпленія себя пищею и штіемъ) грубыхъ и утонченныхъ. Сюда относится: объяденіе, пьянство, лакомства, роскошь. Наконецъ в) въ сладострастіи, которое бываетъ весьма многообразно (Римл. 1). Всѣ виды плотоугодія сопровождаются весьма гибельными послѣдствіями для человѣка.

б) Наклонность къ корыстолюбію.

Сколь глубоко проникаетъ и разстроиваетъ сила зла низшую часть нашего существа, столь-же широко она разливается по внѣшнему міру, когда человѣкъ предается *корыстолюбію*—*похоти очесъ*. (1 Иоан. 2, 16). Оно образуется изъ естественнаго желанія поддержать свою жизнь. Собственность, прибрѣтенная по этому естественному побужденію, производитъ жажду большихъ прибрѣтеній, повья блага не только не утоляютъ сей жажды, но, подобно соленой водѣ, еще болѣе усиливаютъ ее и такимъ образомъ доводятъ человѣка до ненасытной страсти. Эту пенасытимность должно объяснять еще и тѣмъ, что человѣкъ, отнавъ отъ Бога, думаетъ сію безконечную потерю замѣнить конечными благами. Посему Господь говорилъ, что невозможно служить вмѣстѣ Богу и корыстолюбію (Матѣ. 6, 24), а Апостоль называетъ сребролюбіе корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим. 6, 10).

Похоть очесъ или корыстолюбіе сопровождается грѣховными дѣйствіями въ отношеніи къ Богу, къ самому корыстолюбцу и ближнимъ его.

в) Наклонность къ гордостіи. Ея основаніе.

Высоту самолюбивой воли ветхаго человѣка составляетъ гордость. Наклонность къ гордостіи имѣетъ свое основаніе въ умѣ, самопрельщенномъ высотой и превосходствомъ чловѣческой природы. Истинное самоуваженіе не заключаетъ въ себѣ ничего худаго, когда человѣкъ смотритъ на свои

преимущества, какъ на дары Божіи, которые должны быть употребляемы во славу Божію, но самоуваженіе становится преступнымъ, когда мы относимъ свои преимущества не къ Богу, а къ себѣ самимъ, не ищемъ славы Божіей, а только своей собственной. Истинному различію между самоуваженіемъ и самолюбіемъ научаетъ насъ примѣръ св. Апостола Павла, который, высоко цѣня полученную благодать апостольства, не только не провозносилъ собою, но всѣмъ исповѣдывалъ свои „немощи“ (См. 2 Кор. 11 — 12).

Примѣчаніе. Главныя виды гордости суть слѣдующіе: а) *самонадѣянность*, или чрезмѣрная надежда на себя и на свои силы; б) высокоуміе, когда высоко цѣнятъ мнимыя преимущества своего ума и требуютъ отъ другаго уваженія къ нимъ; в) честолюбіе — страсть къ почестямъ, кои отъ другихъ зависятъ, а не отъ насъ; г) высокомѣріе, когда уважая только себя, на другихъ смотрятъ съ презрѣніемъ; е) тщеславіе, — страсть выказывать свои заслуги или мнимыя совершенства; ф) суетность, т. е., желаніе выставить свои преимущества въ какихъ либо мелочахъ, пустыхъ вещахъ; г) властолюбіе, т. е., стремленіе подчинить другихъ людей своей силѣ и власти не законнымъ образомъ.

Изъ самаго краткаго разсмотрѣнія свойствъ и дѣйствій воли ветхаго человѣка можно уже видѣть, что она не есть **воля** благая; ибо основаніемъ своимъ она имѣетъ не любовь къ Богу, а самолюбіе. Она не имѣетъ истинной свободы, но рабствуетъ грѣху. Въмѣсто того, чтобы примирить борьбу сердечныхъ побужденій, она бываетъ угодливымъ исполнителемъ порочныхъ похотей сердца. Самовластіе ея простирается больше на зло, а къ произведенію дѣлъ истинно добрыхъ, спасительныхъ, она не имѣетъ силы, и творить преимущественно плодъ смерти (Римл. 7, 5).

Впрочемъ, хотя воля вповна въ преобладаніи надъ **человѣкомъ** зла, но такъ какъ она, будучи двигателемъ нашей внутренней жизни, сама находится подъ управленіемъ **высшей силы души** нашей — разума; то и дальнѣйшихъ причинъ для объясненія правственнаго разстройства въ естественномъ **человѣкѣ**, нужно искать въ разумѣ.

Общій выводъ касательно совершенства воли ветхаго человека.

Переводъ къ поглядующему.

В. Нравственная жизнь ветхаго человѣка, разсматриваемая въ отношеніи къ разуму его.

Нравственный долгъ разума.

Нравственный долгъ разума можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: а) по отношенію къ волѣ и б) къ естественнымъ побужденіямъ сердца.

а) По отношенію къ волѣ.

а. Разумъ, какъ высшая сила души, долженъ указать истинную цѣль дѣятельности въ Богѣ; ибо воля наша только тогда можетъ имѣть истинную свободу, когда руководствуется представленіемъ сей цѣли; долженъ указать средства къ сей цѣли наилучшія; а чтобы воля охотно и непринужденно стремилась къ достиженію указанной цѣли, — исполненію нравственнаго закона, разумъ самъ долженъ сознавать вѣрно и ясно требованія сего закона и всею силою убѣжденія преклонять волю ко всегдашнему дѣйствованію по началу совершеннѣйшему, — по началу любви къ Богу, какъ сказалъ св. Апостолъ: „Сынъ Божій прииде и далъ есть намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго: и да будемъ во истинномъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ“ (Іоан. 5, 20).

б) къ естественнымъ побужденіямъ сердца.

б. Чтобы сердце, какъ исходище живота (Прит. 4 23), давало стремленіямъ воли животворность и вмѣстѣ само сочувствовало познанному добру, для сего разумъ долженъ стараться, чтобы оно было *чисто* (Пс. 23, 4. Мо. 5, 8), свободно отъ *страстей грѣховныхъ*, воюющихъ на душу (Римл. 7, 5), *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). А потому разумъ долженъ *всцѣлымъ храненіемъ блюсти сердце* (Притч. 4, 23), слѣдить неусыпно за всѣми сердечными движеніями, развивать и поддерживать добрыя изъ нихъ и умерщвлять злыя, исходящія *отъ сердца* (Мф. 15, 19).

Состояніе разума въ ветхомъ человѣкѣ.

Таковъ нравственный долгъ разума! Но сего долга разумъ ветхаго человѣка не выполняетъ и выполнить не можетъ по самому своему состоянію.

а) Остатки совершенствъ въ человѣкѣ, доказываемые

Правда и падшій человѣкъ обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ умственными совершенствами.

а) словомъ Божиимъ.

а) Слово Божіе свидѣтельствуетъ, что при всемъ разстройствѣ грѣхомъ нравственной жизни человѣка въ немъ сохранилась еще возможность уразумѣвать и одобрять *законы Божій* (Римл. 7, 22), сохранилась и способность

стремиться къ истинѣ и даже познавать разумное Божіе т. е. божественныя совершенства, являющіяся въ устройствѣ міра. Апостолъ, Павелъ говоритъ о язычникахъ, что они, руководясь свѣтомъ естественнаго разума, имѣли возможность придти къ познанію верховнаго Творца и, помышляя о видимомъ, вознестись мыслию къ невидимому (Римл. 1, 19—20). На этомъ основаніи онъ поставляетъ ихъ безотвѣтными предъ судомъ Божиимъ: *зане разумьши Бога, не яко Бога прославивши* (ст. 21).

б) О достоинствѣ естественнаго ума и его способности познавать истину и въ состояніи поврежденія его грѣхомъ свидѣтельствуемъ достаточно опытъ. Судя по тому, что человекъ съ помощію его позналъ, по слову писанія, *начало и конецъ и средину времени, составленіе міра и дѣйствіе стихій* (Прем. 7, 17—18), открылъ пространство и устройство небесной тверди, опредѣлилъ величину и разстояніе звѣздъ, пропикъ *естество животныхъ* и даже *помышленія челоуковъ* (ст. 20),—можно сказать, что разумъ сохранилъ въ себѣ довольно остатковъ первобытнаго своего совершенства. Многочисленныя науки, искусства, ремесла и другіе плоды и изобрѣтенія ума челоуческаго также несомнѣнно доказываютъ, что разумъ челоука и послѣ паденія еще *многъ на немъ* (Еккл. 8, 6).

Но въ то же время мы не можемъ не сознавать, что и разумъ естественнаго челоука, по причинѣ растлѣнія природы челоуческой грѣхомъ, подвергся великому разстройству, которое сопровождается весьма вреднымъ вліаніемъ его на правственную жизнь.

а) Мрачными чертами изображаетъ состояніе сего разума въ падшемъ челоукѣ слово Божіе, особенно по отношенію къ духовному вѣдѣнію и руководству его къ доброй жизни. Оно представляетъ его слѣпымъ вождемъ, котораго *во дни объемлетъ тма*, который *во полудни ослѣплетъ яко же во нощи* (Іов. 5, 14) и который называетъ, поэтому, тму свѣтомъ и свѣтъ тмою (Иса. 5, 20). Потерявъ способность къ непосредственному созерцанію истины въ Богѣ, разумъ челоука естественнаго, какъ говоритъ Апостолъ, *не приемлетъ яже Духи Божія... и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ възвзается* (1. Кор. 2, 14). Онъ мудрствуетъ преимущественно *о земномъ* и по земному, —но

б) Преобладаніе несовершенствъ разума по силѣ поврежденія доказывается

а) словомъ Божіимъ.

стихіяамъ міра (Кол. 2, 8), а къ истинамъ духовнымъ, относящимся къ вѣчному благу человѣка, обнаруживаетъ невѣріе даже и тогда, когда онѣ ясно возвѣщаются, какъ это указываетъ слово Божіе примѣромъ эпикурейцевъ и Аѳинскихъ стоиковъ (Дѣян. 17, 18) и членовъ Ареопага (17, 32), смѣявшихся надъ Апостоломъ, который проповѣдывалъ имъ единобожіе и ученіе о воскресеніи мертвыхъ; на нихъ въ полной силѣ оправдалось то, что Апостолы сказали о язычникахъ вообще: „*глаголющеся быти мудри, обзюродныи*“ (Римл. 1. 22).

а) *опытомъ.*

в) Вообще разительно доказали на себѣ неспособность разума къ выполненію своего нравственнаго долга древніе язычники. Они, по слову Писанія, *въ суетѣ ума... помрачени смыслоу* (Еф. 4, 17—18), *и отъ видимыхъ благъ не возмогоша уразумѣти Сущаго, ни дѣломъ внемающе познаша Хитреца* (Прем. 13, 1), *но премьниша истину Божію во лжу* (Римл. 1. 25). И самые мудрые изъ язычниковъ философы показали себя крайне слабыми и безсильными въ самостоятельномъ познаніи высшихъ истинъ и должны были наконецъ сознаться въ своемъ умственномъ безсиліи (Сократъ, Аристотель) и въ томъ, что „потребенъ высшій свѣтъ для озаренія и просвѣщенія ихъ разума“ (Платонъ). Доказываютъ это и многіе изъ новѣйшихъ философовъ, которые, удаляясь отъ свѣта религіи христіанской, своими хитросплетенными умозаключеніями извращаютъ истину и вслѣдствіе сего живутъ и дѣйствуютъ вопреки не закону Божію только, но и здравому смыслу вообще; таковы спириты, социалисты и т. п.

Вліяніе на разумъ человека ветхало духа міра.

На омраченіе разума, и безъ того уже поврежденнаго прирожденнымъ грѣхомъ, оказываетъ вредное вліяніе духъ міра сего, во злѣ лежащаго (Іоан. 5, 19). Человѣкъ живя среди міра отъ самаго младенчества часто непримѣтно и постепенно напитывается духомъ ложныхъ и вредоносныхъ мнѣній и начинаетъ мыслить *не яже суть Божія, но челоуችеская* (Мѡ. 16; 23). Отъ того и разумъ его получаетъ превратное направленіе въ своей дѣятельности. *Собразуясь* въ образъ своихъ мыслей *въку сему* (Римл. 12, 2) и увлекаясь *всякимъ вътрѡмъ ученія, во лжи челоуችестній, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. 1, 14), онъ часто *о истинѣ погрѣшаетъ* (2 Тим. 2, 18) и впа-

даетъ или въ *ереси погибели* (Петр. 2, 1) или совершенно оставляетъ *правый путь вѣры* (—2, 15) и уклоняется въ псевдѳіе. Такимъ образомъ любви *міра сего* становится *враждою Богу* (Іак. 4, 4).

И со стороны другихъ силъ души ветхій человѣкъ встрѣчаетъ препятствія къ правильному развитію и усовершенствованію разума для нравственной цѣли.

*Вредное
вліяніе на
него сердца,
воображе-
нія и раз-
судка.*

а) Сердце имѣетъ великое вліяніе на умъ, такъ что какими предметы ощущаетъ сердце, такими они являются и въ умѣ. Св. Макарій Вел. изображаетъ разумъ дѣйствующимъ въ сердцѣ, уподобляя разумъ солнечному свѣту, а сердце—оку, въ которомъ свѣтъ ума сосредоточивается, отъ чего свѣтъ ума отражается по свойству сердца. Но сердце ветхаго человѣка, какъ мы уже видѣли, повреждено. Слово Божіе называетъ его чувственнымъ (Прит. 4, 10, 30), необрѣзаннымъ (Дѣян. 7, 51), каменнымъ (Іез. 11, 19), оделѣвшимся (Иса. 6, 10), коснымъ (Лук. 24—25). При такомъ состояніи оно, конечно, воспитываетъ и разумъ по своему настроенію. Посему то слово Божіе омраченіе разума, его слѣпоту духовную, прямо производитъ отъ сердца (Еф. 4, 18; Исаи 6, 10). Разумъ къ принятію ясныхъ истинъ Божественныхъ дѣлается холоденъ и, такъ сказать, глухъ, потому что холодно и безчувственно къ нимъ сердце; свѣтъ истинъ Божественныхъ не касается, или мало касается волн и сердца отъ того, что въ чувствахъ сердца нѣтъ полного соотопія между сознаніемъ сихъ истинъ и ощущеніемъ ихъ.

б) Воображеніе ветхаго человѣка, усиливаясь и преобладая надъ разумомъ, представляетъ уму не чистые образы грѣха и развиваетъ въ душѣ вредную мечтательность. По сему справедливо уподобляютъ воображеніе рѣшету, чрезъ которое діаволь всѣваетъ въ душу человѣка плевелы, и двери, чрезъ которую сатана проникаетъ въ сердце человѣка для исторженія Божественнаго сѣмени (Мѡ. 13, 19).

в) Разсудокъ, какъ способность формальная, вращается въ кругѣ предметовъ земныхъ и, не изслѣдуя существеннаго ихъ основанія, своими поспѣшными умозаключеніями ослабляетъ силу убѣжденій разума въ высшихъ истинахъ, заставляетъ его сомнѣваться въ нихъ и въ сомнѣніи взиматься даже на разумъ Божій (2 Кор. 10, 5)—отвергать

истину Божественную, которая, можно сказать, есть стнхія разума. А отъ того и нравственная жизнь человѣка течетъ уже не по требованію чистаго разума, а по требованіямъ мудрованія плотскаго (Римл. 8, 5).

Недуги разума вредныя для нравственной жизни человека.

Вслѣдствіе превратнаго направленія и дѣйствія разума, въ соединеніи съ другими способностями души, являются заблужденія разума, весьма вредныя для нравственной жизни человѣка, тѣмъ болѣе, что они складываются въ опредѣлительныя теоріи и получаютъ чрезъ ухищренія своихъ послѣдователей пѣкоторую, хотя и ложную убѣдительность. Таковы напримѣръ: а) сенсуализмъ, б) ригоризмъ, в) скептицизмъ, г) индифферентизмъ, д) натурализмъ, е) пантеизмъ и ж) безбожіе.

а) Сенсуализмъ.

а) Сенсуализмъ образуется, по большей части, отъ поверхностнаго взгляда разсудка на предметы, при дѣйствіи испорченнаго воображенія. Вращаясь только въ кругу видимыхъ вещей и не возвышаясь до созерцанія предметовъ духовныхъ, онъ главною цѣлью земной жизни поставляетъ чувственныя блага и удовольствія. Сенсуализмъ бываетъ различныхъ родовъ: грубый (эпикурейскій), болѣе благородный (эвдемонизмъ и утилитаризмъ) и самый утонченный (квіетизмъ, квакерство), который состоитъ въ мечтательныхъ созерцаніяхъ и въ упоеніи нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ. Сей недугъ (сенсуализмъ) всегда **связывается** съ ложнымъ понятіемъ о счастьи и блаженствѣ человѣка, которое образуется въ разсудкѣ подъ преобладаніемъ чувственности.

б) Ригоризмъ.

б) Ложный взглядъ разсудка на тѣло и духъ человѣка пораждаетъ другое, противоположное первому, но также опасное для нравственной жизни заблужденіе, — **ригоризмъ**. Онъ поставляетъ благочестіе не въ господствѣ духа надъ плотію силою благодати Божіей и духовной свободы, но требуетъ совершеннаго подавленія всѣхъ естественныхъ побужденій тѣлесной природы, хочетъ сдѣлать человѣка существомъ какъ бы безтѣлеснымъ, посредствомъ изнуреній тѣла только, пренебрегая внутренними средствами къ благочестію. Онъ происходитъ отъ ложнаго понятія о свободѣ, состоящей будто бы въ совершенной независимости отъ всего вѣшняго, а не въ приуроченіи ея къ высшимъ и лучшимъ стремленіямъ природы духа. Ригоризмъ имѣетъ

почву въ сухости и недѣятельности души: его послѣдователи желаютъ лучше вовсе сбросить оковы плоти, чѣмъ вести трудную брань съ нею;—въ мрачномъ взглядѣ на жизнь, а иногда въ фарисейской суетности, поставляющей сущность добродѣтели только въ исполненіи внѣшнихъ дѣйствій закона (Римл. 10, 3. Кор. 2, 18—23) и т. п.

в) Разсуждая объ истинахъ религіи и находя въ нихъ мнимыя несогласія и противорѣчія, а чаще не постигая ихъ всеяности и значенія для себя, лжеменьшій разумъ впадаетъ въ новую крайность—въ *скептицизмъ*, обнаруживающійся дерзкими сомнѣніями и вольнодумствомъ относительно ученія вѣры. Онъ заражается преимущественно *въ душахъ людей, неутвержденныхъ въ вѣру* (2 Петр. 1, 12), по *властвующихъ и скитающихся всякимъ вѣтромъ ученія* (Е. 4, 14), подобно *волненію морскому, вѣтры возмѣтаему и раздѣваему* (Іак. 1, 6). Происходитъ скептицизмъ отъ гордости ума и ложнаго образованія, отъ легкомыслія, а главнымъ образомъ отъ развращеннаго сердца.

в) *Скептицизмъ и вольномысліе.*

г) Религіозный индифферентизмъ, состоящій въ холодности и равнодушіи къ добродѣтели и къ истинамъ религіи, происходитъ отъ недѣятельности ума, отъ разсѣяности, а главнымъ образомъ отъ невниманія человѣка къ самому себѣ, отъ нравственной безпечности и усиленія и отъ нерадѣнія *о единомъ на потребу* своей души.

г) *Индифферентизмъ.*

д) Отъ тѣхъ же причинъ и, еще болѣе, отъ *непомѣрной* гордости ума и крайняго охлажденія сердца къ религіи, происходитъ *натурализмъ*, отвергающій сверхъ-естественныя средства къ добродѣтели и совершенству и считающій достаточными для сей цѣли обыкновенныя естественныя средства человѣческія. Онъ, равно какъ и рационализмъ, показываетъ совершенное невѣдѣніе или же отверженіе грѣховнаго поврежденія природы нашей, а слѣдовательно крайнее невѣжество разума въ дѣлѣ нашего спасенія.

д) *Натурализмъ.*

е) Пантеизмъ составляетъ недугъ собственнаго разума философствующаго. Происхожденіе пантеизма въ древности можно объяснить преобладаніемъ пылкой фантазіи, желающей одухотворить все видимое, а также огрубѣніемъ разума, по которому человѣкъ бываетъ неспособенъ возвышаться до чистыхъ понятій о духовномъ и Божествѣнномъ. Въ новѣйшія времена пантеизмъ родился отъ чрезмѣрной

а) *Пантеизмъ.*

формальности мышленія, полагающаго высшею задачей все бытіе свести къ вѣчному единству и не согласующаго свои выводы съ наблюденіемъ надъ природою нашего духа, весьма враждебно отзывающейся на желаніе ея обезличить. Правственная причина наптензма заключается въ цевѣрін развращеннаго сердца Божественному промыслу, безсмертію души и будущему мздовоздаянію.

же) *Безбо-
жіе.*

ж) Наконецъ самый опаснѣйшій изъ недуговъ разсудка, ведущій челоуѣка и къ временной и вѣчной гибели, есть полное *безбожіе*. Оно проявляется въ людяхъ крайне *растланнымихъ умомъ и лишенныхъ истины* (1 Тим. 6, 5) и также въ развращенныхъ сердцемъ. Впрочемъ безбожіе, въ особенномъ смыслѣ, т. е. теоретическое, есть явленіе рѣдкое: только *безуменъ рече въ сердце своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. 13. 1); а практическое безбожіе встрѣчается не рѣдко въ тѣхъ, кои, по слову Апостола, *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отменяютъ Его* (Тит. 1, 16).

*Общій вы-
водъ отно-
сительно со-
стоянія ра-
зума вст-
ало чело-
уѣка въ от-
ношеніи къ
нравствен-
ной жизни,
и переходъ
къ ученію о
совѣсти.*

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ дѣйствія разума въ ветхомъ челоуѣкѣ, узнавъ его силы и вмѣстѣ беспіліе и несовершенства, мы справедливо можемъ придти къ заключенію, что въ состояніи своего поврежденія разумъ челоуѣка ветхаго, самъ по себѣ не имѣя истинной мудрости и дѣйствуя большею частью превратно, не только не можетъ руководить волю къ дѣятельности, сообразной съ назначеніемъ челоуѣка, но еще помогаетъ ея разстройству. Но въ челоуѣкѣ есть еще весьма важная сила, поддерживающая и направляющая нравственную его жизнь, именно *совѣсть*. По сему мы и перейдемъ къ ученію о ней.

Г. О совѣсти.

*Понятіе о
совѣсти.*

Правильное понятіе о совѣсти можетъ быть составлено не иначе, какъ подъ руководствомъ слова Божія. Апостоль говоритъ: *языцы не имуща закона, естественномъ законномъ творятъ и являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысламъ осуждающимъ или отвѣщающимъ* (Римл. 2, 14. 15). Изъ сихъ словъ Апостола видно а) что въ челоуѣкѣ совѣсть имѣетъ самое близкое отношеніе къ нравст-

венной дѣятельности его и что она есть собственно сила нравственная въ тѣснѣйшемъ смыслѣ сего слова, частице: б) что она имѣетъ ближайшее отношеніе къ нравственному закону, начертанному самимъ Богомъ въ существѣ нашемъ, — который, впрочемъ, будучи въ непосредственномъ союзѣ съ совѣстію, вмѣстѣ съ тѣмъ есть нѣчто отличное отъ нея и не долженъ быть смѣшиваемъ съ нею: совѣсть *спослышествуетъ* намъ въ исполненіи закона сего, т. е. свидѣтельствуешь о немъ, вѣщаетъ о его правилахъ и предписаніяхъ и такимъ образомъ побуждаетъ насъ къ исполненію ихъ; видно далѣе, в) что спослышествующая совѣсть въ дѣятельности своей нецрѣмѣнно соединяется съ *мыслими осуждающими и отвѣщающими*. Что это за явленіе въ духѣ нашемъ, — это объясняетъ намъ опытъ. — Во всякомъ нравственномъ поступкѣ мы не только сознаемъ законъ, но и чувствуемъ въ себѣ нѣкую силу, оцѣнивающую наши поступки, судящую о сообразности или несообразности ихъ съ закономъ и вслѣдствіе этого суда подвергающую насъ *отвѣтственности*, награждая насъ за исполненіе закона внутреннимъ миромъ, а за нарушеніе его наказывая внутренними угрызениями. Совокупивъ всѣ эти понятія въ одно, мы должны составить слѣдующее понятіе о совѣсти (разумѣемъ совѣсть, конечно, безъ отношенія ея къ закону положительному): она есть та нравственная сила нашего духа, которая возвѣщаетъ намъ внутренний нравственный законъ, судить о сообразности или несообразности нашихъ поступковъ съ этимъ закономъ и вслѣдствіе того награждаетъ насъ внутреннимъ миромъ, или наказываетъ угрызениями. Весьма вѣрно сравниваютъ ее съ судилищемъ, въ которомъ обыкновенно хранятся законы, изъясняются ихъ правила, судятся поступки людей, награждается добро и наказывается зло. Различіе въ этомъ сходствѣ только то, что совѣсть одна и сама производитъ всѣ дѣйствія, которыя въ обыкновенномъ судилищѣ раздѣлены между многими частными исполнителями: она есть и законовѣдатель, и судія, и мздовоздатель; въ этомъ смыслѣ и св. Апостоль Павель называетъ совѣстью совокупность внутреннихъ нравственныхъ побужденій къ исполненію долга и противопоставляетъ совѣсть побужденіямъ вѣшнымъ, напр., страху. Именно,

онъ велить повиноваться господамъ „не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“ (Римл. 13, 5).

Долгъ совѣсти въ отношеи къ нравственной дѣятельности чловѣка.

Изъ самаго понятія о совѣсти видно, что назначеніе ея руководить чловѣка къ нравственной жизни; — назначеніе высокое. Сообразно сему она должна выполнять и долгъ свой. Долгъ этотъ опредѣляется также понятіемъ о совѣсти.

а) Совѣсть есть законовѣщатель; слѣдовательно, во первыхъ, долгъ ея вѣрно и опредѣленно передавать намъ предписанія естественнаго нравственнаго закона; но поелику самыя правила сего закона по необходимости заключаются въ насъ въ общемъ видѣ, то, во вторыхъ, частіе: долгъ совѣсти — вѣрно и точно руководить чловѣка въ частныхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ, зависящихъ отъ различныхъ вліяній и обстоятельствъ.

б) Совѣсть есть судія нашихъ поступковъ, слѣдовательно, чтобы не уклониться отъ своего назначенія, она должна быть судіею вѣрнымъ и не лицепріятнымъ: не должна извинять тяжкихъ преступленій нашихъ, по и не должна преувеличивать тяжести ихъ, — ибо и то и другое имѣетъ пагубное вліяніе на нашу нравственность; таковъ же долженъ быть судъ ея и по отношенію къ добрымъ дѣламъ чловѣка.

в) Совѣсть есть внутренній мздовоздаятель нашъ за дѣла наши; въ этомъ отношеніи она должна преслѣдовать *всю* самую сокровенную движенія нашего духа, преслѣдовать *вездѣ*, даже въ самой мысли, — должна награждать, или наказывать насъ соразмѣрно съ достоинствомъ добрыхъ дѣлъ и съ тяжестью преступленій, — должна преслѣдовать насъ *всегда*, никогда неослабля своихъ мздовоздаяній: ибо, по свойству нашей природы, надлежащее мздовоздаяніе даетъ надлежащее направленіе нашей нравственной дѣятельности, а неправильное, слабое мздовоздаяніе ослабляетъ и низвращаетъ и самую нравственную дѣятельность. Вообще совѣсть должна быть *истинною, непорочною, благою*. Потому то и Апостолы такъ много заботились объ этомъ главномъ свойствѣ совѣсти: *о семѣ и подвижанюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ и чловѣки* (Дѣян. 24, 16); *уповаемъ, яко добру совѣсть имамы, во всякъ добръ хотяще жити* (Евр. 13, 18). говорили Апостолы, — и другихъ учили тому-же: *конецъ завѣщанія есть, любви отъ чиста сердца, и со-*

вѣсти благія, и вѣры не лицемерныя (1 Тим. 1. 5—19. 2 Кор. 4, 2).

Въ какомъ же состояніи находится совѣсть въ человѣкѣ естественномъ или ветхомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что язва грѣха, глубоко проникшая все существо человѣка, коснулась и совѣсти, потому и совѣсть повредилась. Но уже по тому самому, что совѣсть есть внутреннѣйшая, глубочайшая сила души нашей, — эта зараза грѣха произвела въ ней менѣе поврежденія, чѣмъ въ прочихъ силахъ души. Въ совѣсти осталось много добраго. Это доказываетъ а) *Св. Писаніе*. По свидѣтельству Апостола, язычники, въ лицѣ которыхъ ветхій человѣкъ развился во всемъ своемъ грѣховномъ разнообразіи, еще исполняли и исполняютъ внутренній законъ, при руководствѣ только совѣсти, безъ всякаго внѣшняго положительнаго закона Божія (Римл. 2, 14. 15); ветхій человѣкъ, по свидѣтельству того же Апостола, не можетъ удержаться отъ грѣха, но не перестаетъ хвалить законъ, яко добръ (Римл. 7, 16); онъ даже соулаждается закону Божию по совѣсти (Римл. 7, 22) даже и тогда, когда всѣ прочія силы души уже устремлены къ злу. б) *Внѣшній опытъ*. Не было и нѣтъ народовъ, у которыхъ не существовали бы какія либо постановленія и законы, опредѣляющіе взаимное отношеніе людей между собою, содѣйствующіе развитію добра и ограниченію зла: но и началомъ, и существованіемъ, и объясненіемъ, и развитіемъ своимъ они обязаны совѣсти. Самыя судилища (существующія у всѣхъ народовъ), по устройству своему столько сходныя съ существомъ совѣсти, могли быть только произведеніемъ совѣсти. Самый закоренѣлый преступникъ уважаетъ добро по крайней мѣрѣ въ другихъ, если самъ не имѣетъ его; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что совѣсть его, по мѣрѣ умноженія въ немъ грѣха, повреждается и помрачается. в) *По внутреннему опыту* мы знаемъ, что совѣсть повреждена менѣе всѣхъ другихъ силъ души. Бываетъ съ нами, что всѣ уже силы души рѣшаются на зло: сердце увлеклось имъ, разумъ измыслилъ оправданіе грѣху и воли стремится уже совершить преступленіе; — одна совѣсть не перестаетъ вопіять противъ всѣхъ силъ души и часто одна удерживаетъ стремительный напоръ ихъ. Бываетъ и такъ, что совѣсть ослабѣетъ подъ гнетомъ прочихъ силъ души,

Состояніе совѣсти въ ие до вѣкъ ветхомъ: а) добрая стороны ея.

устремившихся на зло, и человѣкъ совершить преступленіе; но когда утихнетъ шумъ страстей, совѣсть возвышаетъ свой голосъ съ большею противъ прежняго силою.

б) *Степень поврежденія ея.*

Не смотря однакожь на то, что въ совѣсти осталось много добраго, она и сильно повреждена. Это видно изъ того, что въ естественномъ человѣкѣ она не выполняетъ своего долга. 1, Она не всегда вѣрно и ясно возвѣщаетъ человѣку законъ внутренній: ибо а) сама часто не ясно сознаетъ предписанія его (Мѡ. 19, 16 — 20), б) часто колеблется сомнѣніями сама въ опредѣленіи его повелѣній и запрещеній (Римл. 14, 23), нерѣдко с) даже она называетъ доброе лукавымъ, и лукавое добрымъ, полагаетъ горькое сладкое и сладкое горькое (Исаи 5, 20). Опытное доказательство на всѣ эти виды ея заблужденій находимъ въ дѣйствіяхъ язычниковъ. Не имѣя надлежащаго понятія о законѣ внутреннемъ, совѣсть ветхаго человѣка очевидно не можетъ и изъяснить его правилъ по отношенію къ частнымъ случаямъ и частнымъ поступкамъ; даже тогда, когда она знаетъ общія постановленія его правильно, въ приложеніи ихъ къ дѣлу часто оказывается погрѣшающею; наконецъ, по свидѣтельству Апостола, совѣсть ветхаго человѣка, въ извѣстныхъ частныхъ поступкахъ грѣховныхъ не видитъ грѣха; понятіе о грѣхѣ какъ бы умираетъ въ ней. (Римл. 7, 8). 2, Совѣсть, какъ судія, также не всегда вѣрно исполняетъ свой долгъ въ ветхомъ человѣкѣ; ибо не всегда ясно сознавая законъ внутренній и не всегда правильно понимая его, она очевидно не можетъ вѣрно судить о сообразности или несообразности нашихъ поступковъ съ закономъ. Судъ ея большею частію бываетъ лицепріятный, благопріятствующій преступнымъ страстямъ (1 Цар. 15, 3, — 9, — 23); иногда же она представляетъ преступленіе въ преувеличенномъ видѣ, погая въ человѣкѣ всякую возможность загладить его покаяніемъ (Быт. 4. 13. 14) и ввергая его въ отчаяніе, какъ Іуду. 3, Сообразно съ судомъ послѣдуетъ и мздовоздаяніе совѣсти, ибо между тѣмъ и другимъ находится самая тѣсная связь; отсюда лицепріятный судъ совѣсти производитъ то, что грѣшникъ, не обличаемый и не наказываемый совѣстію, безъ всякаго смущенія предастся *въ дѣланіе всякой нечистоты* (Еф. 4, 19), — а преувеличенный судъ совѣсти производитъ въ грѣшникѣ тяжкія

мученія и терзанія, доводяція его до отчаянія (Быт. 4, 13. 14. Мѡ. 27, 3. 4. 5). Вообще въ выполненіи своего долга совѣсть въ вѣтхомъ человѣкѣ является *ложною, заблуждающеюся, слабою*.

Причина такого превратнаго образа дѣятельности совѣсти понятна. Намъ уже извѣстно, какъ велико разстройство силъ души у вѣтхаго человѣка, и въ какой степени преобладаетъ въ нихъ зло надъ добромъ. По сему легко уже судить о вліяніи ихъ на омраченіе совѣсти. Въ частности, поелику совѣсть не есть законодатель, а только вѣщатель закона, написаннаго, по Апостолу, въ сердцѣ человѣка (Римл. 2, 15), а сердце до того повреждено грѣхомъ, что служитъ большею частію исходischemъ помышленій злыхъ: *убійствъ, прелюбодѣяній, любодѣяній и проч.* (Мѡ. 15); то и самая совѣсть образуется по вліянію страстей и похотей порочнаго сердца. При такомъ состояніи совѣсти у вѣтхаго человѣка, конечно, не могло и не можетъ быть вѣрнаго и яснаго сознанія грѣховности. По сему то Апостоль и говоритъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ* (положительнымъ), *похоти-же не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши* (Рим. 7, 7), *безъ закона бо грѣхъ мертвъ* есть (ст. 8). Впрочемъ, какъ бы ни была омрачена совѣсть у язычника, онъ остается виновнымъ, если живетъ и дѣйствуетъ *не по совѣсти* даже ложной; ибо кто рѣшается на то, что совѣсть и заблуждающая воспрещаетъ, тотъ грѣшитъ, поступаая не по внутренней увѣренности въ справедливости своего поступка (Римл. 14, 23).

Изъ сказаннаго доселѣ видно, что по силѣ поврежденія совѣсть сама собою не можетъ исправиться, что для нея нужно нѣкоторое особенное высшее пособіе. Въ чемъ же должно состоять это пособіе? Изъ разсмотрѣнія образа дѣятельности совѣсти въ человѣкѣ видно, что судъ и мздовоздааніе ея направляется и опредѣляется сообразно съ тѣмъ, какъ сама совѣсть понимаетъ и возвѣщаетъ законъ; поэтому исправленіе дѣйствій совѣсти первѣе всего должно начаться объясненіемъ для нея закона. Такъ какъ въ вѣтхомъ человѣкѣ совѣсть побуждаетъ его дѣлать часто то, чего не должно дѣлать, и отвлекаетъ иногда отъ того, что должно дѣлать: то самое объясненіе для нея закона внутреннего должно состоять въ томъ, чтобы изложить его въ

Причина омраченія совѣсти.

Потребность для совѣсти закона положительнаго откровеннаго.

ясныхъ повелѣнiяхъ и запрещенiяхъ. Очевидно, что можетъ это сдѣлать только тотъ, кто начерталъ въ существѣ нашемъ самый законъ внутреннiй. И дѣйствительно, Богъ открылъ людямъ волю Свою въ положительномъ законѣ Ветхаго и Новаго завѣта. Не смотря на различiе завѣтовъ, законъ этотъ въ сущности своей одинъ, какъ выраженiе единой воли Божiей и какъ проясненiе и раскрытiе нашего внутренняго закона. *Близъ тебе есть глаголъ зло, во устнхъ твоихъ и въ сердцы твоемъ, и въ руку твою, творити его* (Второз. 30, 14), говоритъ пророкъ Моисей.

Обязательная сила закона положительно и его вѣнность.

Богомъ данный положительный законъ имѣетъ для насъ полную обязательную силу. Ибо а) онъ есть выраженiе воли Божiей, а для твари не можетъ быть ни чего обязательнѣе воли Божiей, которая дала ей бытiе и жизнь и поддерживаетъ ее. И въ словѣ Божiемъ весьма часто съ извѣстными частными предписанiями закона соединяется и побужденiе исполнять ихъ по тому, что такова воля Божiя. Такъ Моисей, повторяя законъ Евреямъ, чтобы показать всю обязательную силу повторяемаго закона, довольствуется только тѣмъ, что говоритъ: *Господь Богъ завѣща вамъ заветъ въ Хоривѣ* (Второз. 5, 1). Другiе Пророки, изрекая волю Божiю, такъ же въ самой волѣ Божiей находили и ея обязательную силу: *сице глаголетъ Господь Богъ сотворившй тя* (Ис. 43, 1); *сице глаголетъ Господь Вседержитель* (Аг. 2, 12), *сия глаголетъ Адонаи Господь* (Ис. 21, 52), говорили они. Спаситель, изъясняя законъ любви христіанской, чтобы побудить къ исполненiю его, съ Божественною властiю присовокупилъ: *Азъ же глаголю вамъ* (Мѡ. 5, 22. 28. 32. 39. 44). И Апостолы, побуждая христіанъ исполнять какiя либо предписанiя, напоминали имъ только, что такова воля Божiя: *о всемъ благодарите, сия бо есть воля Божiя* (1 Солун. 5, 18), — *сия есть воля Божiя — святость ваша* (Солун. 4, 3), *сия есть заповѣдь Его да вырועмъ во имя Сына Его* (1 Иоан. 3, 23). б) Происходя отъ Святѣйшаго святыхъ, законъ Божiй и самъ по себѣ святъ, — святъ по содержанiю, по началу, его одушевляющему (это — безкорыстная, чистая любовь): *Законъ Господень непороченъ* (Пс. 18, 8), — *законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и благи* (Римл. 7, 12. Пс. 118, 142, 144). в) Законъ имѣетъ свою цѣ-

лію устроить благо человѣка. Благо, доставляемое человѣку исполненіемъ закона, весьма часто изображается въ словѣ Божіемъ: *Ты заповѣдалъ еси заповѣди Твоя сохраними зъло, дабы исправилися путіе мои* (Пс. 118, 4. 5); *законъ Господень непороченъ, обращающіи души; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы, оправданія Господня права, веселящая сердце; заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пс. 18, 8. 9); *сотворившій та чловѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Лев. 18, 5. Пс. 33, 13. 15); *аще хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди*, говоритъ Господь (Матѹ. 19, 17).

Примѣчаніе. Не могутъ не имѣть побудительной силы для человѣка при исполненіи закона и награды временныя и вѣчныя, обѣщаемыя Словомъ Божіимъ за исполненіе закона, — наказанія, угрожающія человѣку за преступленіе его. — Дѣйствительно, человѣку какъ существу разумному, прилично дѣйствовать, имѣя въ виду и тѣ послѣдствія, какія происходятъ отъ его дѣйствій, — а награды и наказанія суть и естественныя слѣдствія нравственныхъ поступковъ нашихъ и слѣдствія, поколику наши поступки вызываютъ волю Божію къ неиспосланію на насъ особенныхъ наградъ и наказаній. Не нужно только эти слѣдствія ставить первыми и исключительными побужденіями къ исполненію закона.

Если законъ положительный имѣетъ ближайшее сродство съ внутреннимъ закономъ природы нашей, — и если онъ имѣетъ для насъ полную обязательную силу по сказаннымъ основаніямъ: то безъ всякаго сомнѣнія исполненіе, или не исполненіе его должно быть намъ вмѣняемо, т. е. первое должно насъ оправдывать предъ Богомъ, а второе обвинять.

При законѣ положительномъ совѣсть уже принимаетъ другое значеніе. Законъ данъ для людей потому, что совѣсть не ясно понимала и не вѣрно возвѣщала внутренний законъ; а когда данъ законъ положительный, то дѣло совѣсти только принять и усвоить его, слѣдовательно подчиниться ему, — и наблюдать за исполненіемъ его. Прочія права ея остаются за нею. Въ частныхъ случаяхъ, при столкновеніи различныхъ предписаній закона, — ея дѣло согласить эти предписанія и объединить исполненіе ихъ въ частномъ поступкѣ. Ея дѣло оцѣнивать наши поступки и

Значеніе совѣсти въ отношеніи къ закону и о ея важности для нравственной дѣятельности чловѣка.

видѣть сообразность или не сообразность ихъ съ закономъ положительнымъ и вслѣдствіе этого или награждать насъ внутреннимъ миромъ, или наказывать угрызеніями. Поелику же послѣднія ея дѣйствія зависятъ отъ перваго, а первое подчинено закону положительному: то дѣло совѣсти при законѣ положительномъ — вполнѣ сообразоваться съ симъ закономъ, такъ что каковъ законъ, такова должна быть и совѣсть, но не наоборотъ. Въ этомъ смыслѣ говорить Апостолъ о совѣсти идольской, т. е. признающей идоловъ (1 Кор. 8, 7), и вообще о различныхъ совѣстяхъ у людей съ различными религіозными воззрѣніями (гл. 8—10). При такомъ только подчиненіи закону она, очевидно, будетъ приближаться къ своему назначенію быть руководительницею человѣка къ истинно нравственной жизни, — назначенію, котораго она въ ветхомъ человѣкѣ сама по себѣ не выполняетъ. Нужно замѣтить, что сколько законъ необходимъ для совѣсти падшей, столько же и совѣсть необходима, чтобы законъ былъ исполняемъ, не по буквѣ, но по духу, дабы *таинство вѣры въ чистой совѣсти* содержалось (1 Тим. 3, 9). Ибо законъ, какъ законъ, самъ по себѣ не даетъ еще силы и значенія нашимъ дѣяніямъ. Чтобы добродѣтель была добродѣтелию истинною, для сего необходимо, что-бы она совершалась добрыми средствами, съ добрыми побужденіями и для добрыхъ цѣлей, безъ чего и подвиги мученичества не имѣютъ цѣны въ очахъ Божіихъ (1 Кор. 13); но побужденія опредѣляетъ въ нашемъ поступкѣ совѣсть. Да и вообще въ законѣ положительномъ не возможно исчислить и опредѣлить всѣхъ случаевъ жизни, особенно всѣхъ движеній жизни внутренней: только совѣсть можетъ опредѣлить соотвѣтствіе ихъ съ духомъ закона; есть дѣла, собственно предоставляемая совѣсти, по отношенію къ которымъ она одна только и можетъ опредѣлить, что и какъ намъ должно дѣлать.

Виды совѣсти.

Казалось бы, что при законѣ положительномъ совѣсть должна быть только правая, добрая, истинная. Но по свидѣтельству исторіи и опыта она не только у различныхъ людей, но и у одного и того же человѣка бываетъ не одинакова. Посему богословы справедливо раздѣляютъ ее на различные виды, именно:

а) по отношенію къ закону.

а) *По отношенію къ закону* совѣсть бываетъ или *а) правая, истинная*, когда она не только правильно по-

знаеть нравственный законъ, но и частныя дѣйствія чело-
вѣка поставляетъ въ надлежащее къ нему отношеніе; или
в) *ложная, заблуждающаяся*, когда она невѣрно пони-
маетъ нравственный законъ и не вѣрно прилагаетъ его къ
частнымъ дѣйствіямъ и такимъ образомъ ложное считаетъ
истиннымъ и наоборотъ. *Есть путь*, говоритъ премудрый,
иже мнитсѣ человекомъ правъ быти, послѣдняя же его
приходятъ во дно ада (Прит. 14, 12). *Придетъ часъ*,
говоритъ Иисусъ Христосъ ученикамъ своимъ, *да всякъ,*
иже убіетъ вы, возмнѣтся службу приносити Богу
(Іоан. 16, 2. 1 Тим. 4. 2—4. Петр. 2, 12) и т. п. Въ
томъ и другомъ случаѣ заблужденіе не извинительно, когда
оно произошло отъ нашей вины, напр., отъ невниманія
закону (примѣры: Иродъ Мѳ. 14, 9; фарисей Мѳ. 15,
3—6).

в) *По свойству суда*, который произноситъ совѣсть о
поступкахъ нашихъ, она бываетъ б) *ясная, несомнѣнная*,
когда твердо и рѣшительно говоритъ, что извѣстное дѣй-
ствіе хорошо или худо. *Не можемъ*, говорили Апостолы,
убѣжденные въ истинѣ своего благовѣствованія, *не можемъ,*
яже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати (Дѣян. 4, 20);
повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человекомъ
(5, 29; Римл. 14, 22; 2 Мак. 7, 20—28) б) *вѣроятная*,
когда только съ вѣроятностію судить о достоинствѣ по-
ступка; с) *сомнѣвающаяся*, когда колеблется въ своихъ
сужденіяхъ о томъ или другомъ дѣйствіи (Гал. 2, 11—14.
Кор. 8, 10).

По степени своей силы въ самой дѣятельности чело-
вѣка совѣсть называется *нѣжною, живою, бдящею*. *Тѣмъ-же,*
аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти
мяса во вѣки, да не соблазню брата моего (1 Кор. 8, 13;
Римл. 14, 26; Мѳ. 26, 15. 27, 24); или, напротивъ,
грубою, дремлющею (Дѣян. 24, 25) *оскверненною* (Тит.
1, 15), *лукавою* (Евр. 10, 22) и сожженною (1 Тим. 4,
2; ср. Мѳ. 23, 25). У иныхъ людей она всегда и каса-
тельно всѣхъ дѣйствій обнаруживаетъ свою чувствитель-
ность (Евр. 13. 18), а у другихъ бываетъ не чувствительна
и къ самымъ важнымъ проступкамъ, такъ что иногда ка-
жется, будто они вовсе не имѣютъ совѣсти.

г) По отно-
шенію къ
времени
дѣйствія.

г) Совѣсть *по отношенію ко времени*, въ которое совершается нравственное дѣйствіе, бываетъ а) *предыдущая*, которая еще до совершенія поступка говоритъ, что его должно исполнить, или нѣтъ; б) *сопутствующая*, которая подаетъ свой голосъ во время самаго исполненія или нарушенія закона, сопровождаетъ наше дѣйствіе яснымъ сознаниемъ его справедливости, или, напротивъ, сопровождаетъ скорбію, безпокойствомъ, страхомъ в) *послѣдующая*, которая пробуждается въ душѣ человѣка послѣ совершенія какого либо нравственнаго дѣйствія (Мѡ. 26, 4. 5; 27, 3 и т. д.). Предыдущую и сопутствующую совѣсть можно заглушить въ себѣ, но совѣсть послѣдующую — никогда почти. Она пробуждается тѣмъ съ большею силою, чѣмъ болѣе заглушали ее прежде страсти, или чѣмъ важнѣе поступокъ нравственный. Послѣ добраго дѣла она награждаетъ насъ продолжительнымъ миромъ, она даетъ силу совершать великіе подвиги, какъ это видимъ мы въ христіанскихъ мученикахъ, кромѣ благодати Божіей укрѣпляемыхъ совѣстію въ мученіяхъ, или видимъ вообще во всѣхъ, страдавшихъ за истину, за правое дѣло. Послѣ злаго поступка послѣдующая совѣсть наказываетъ человѣка сильными мученіями, которыя по мѣрѣ тяжести нашего преступленія часто отравляютъ своею горечью всю жизнь нашу. Бываетъ и такъ, что послѣдующая совѣсть пробуждается не тотчасъ по содѣланіи преступленія, и не скоро послѣ него, — по почти всегда освобождается отъ дремоты предъ самою смертію человѣка.

Общее за-
ключеніе о
совѣсти
безъ закона
положительнаго и
при законѣ
безъ помо-
щи благо-
дати.

Вообще о совѣсти пужно сдѣлать слѣдующее заключеніе: безъ закона положительнаго она сама не сознаетъ ясно нравственныхъ предписаній и запрещеній внутренняго закона и даже до того омрачается, что не сознаетъ, что такое грѣхъ, такъ что безъ закона положительнаго, при одпомъ руководствѣ совѣсти, *грѣхъ мертвъ есть* (Римл. 7, 8); при положительномъ же законѣ *грѣхъ оживе* (9), т. е. совѣсть стала понимать грѣхъ, какъ грѣхъ, — законъ ничего болѣе не даетъ совѣсти; — не даетъ ей силы къ исполненію закона; познаніе грѣха только дѣлаетъ ее мучительною для человѣка. Для нея нужна еще особенная благодатная сила, укрѣпляющая ее въ исполненіи ею своего долга.

Къ очищенію совѣсти служатъ покаяніе и причащеніе. Тайнство покаянія по самому существу своему есть таинство очищенія нашей совѣсти и примиреніе съ Богомъ; а о таинствѣ причащенія, какъ очистительномъ средствѣ для совѣсти, говоритъ Апостоль: *Кровь Христова очиститъ совѣсть вашу отъ мертвыхъ дѣлъ* (Евр. 9, 14).

Для исправленія совѣсти нужно доставить ей средства сколько можно лучше и правильнѣе понимать законъ. Для сего особенно полезно а) какъ можно чаще съ надлежащимъ вниманіемъ и размышленіемъ читать и слушать Слово Божіе, а также и другія назидательныя книги, чтобы почерпнуть изъ нихъ вѣрныя понятія о христіанскихъ обязанностяхъ и тверже ихъ помнить. *Всяко писаніе Богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію* (2 Тим. 3, 16); б) обращаться съ людьми просвѣщенными и богобоязливыми, чтобы изъ ихъ примѣра, бесѣды и совѣтовъ научиться тому, какимъ образомъ вести себя, особенно въ сомнительныхъ случаяхъ: *съ премудрыми совѣтуй* говоритъ премудрый, *съ разумивыми буди размышленіе твое, и вся повѣсть твоя въ законъ Вышняго* (Сир. 9, 20; 37, 15. 16); в) ни на что не рѣшаться легкомысленно, особенно когда волнуются въ насъ страсти; но папередъ нужно успокоить духъ свой и потомъ со всею осмотрительностію разсудить о предназначаемомъ дѣлѣ и о всѣхъ обстоятельствахъ его, чтобы тѣмъ лучше можно было видѣть, согласно ли оно съ закономъ. *Блюдите, како опасно ходите, не яко же не мудри, но якоже премудри*. (Еф. 5, 15—17; Римл. 12, 2). г) всегда и во всемъ поступать съ любовію къ истинѣ и добру, а болѣе всего усердно молить Бога: *Пути Твоя, Господи, скажи ми и стезязъ Твоимъ научи мя, Настави мя на истину Твою и научи мя, яко Ты еси Богъ Спасъ мой. Открой очи мои, и уразумью чудеса отъ закона Твоего*. (Псал. 24, 4—5. Пс. 118, 18. Сир. 37, 19. Прем. Сол. 7, 7).
